

2. Бугров, А.В. Первые банки в Москве: 175–1860 гг. / А.В. Бугров / Приложение к журналу «Банки и технологии». – М.: Спецкнига, 2007. – 152 с.
3. Варадинов, Н.В. История Министерства внутренних дел: в 7 т. / Н.В. Варадинов. – СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1858–1862. – Ч. 2. Кн. 2.: Период преобразования министерств. С 1810 по 19 ноября 1825 г. – 1862. – 604 с.
4. Государственный банк к столетию Отечественной войны. – СПб., 1912.
5. Дуплий, Е.В. Приказы общественного призрения в России: правовые, организационные и финансово-экономические основы деятельности (1775–1864 гг.): комплексное исследование института первых региональных структур социальной помощи и поддержки / Е.В. Дуплий. – М.: Типография «Медина-принт», 2005. – 124 с.
6. Отчет государственных кредитных установлений за 1817 г. – СПб., 1818.
7. ПСЗ. Собр. I. – Т. 32. – СПб., 1830. – № 25186.

М.Ф. Шумейко

ВОЙНА 1812 ГОДА В СУДЬБЕ АРХИВНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Значительное архивное наследие Великого княжества Литовского (на территории Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской земель существовало свыше 200 судов и каждый из них имел собственный архив [1, с. 25–26]) с началом войны 1812 г. фактически было брошено на произвол судьбы, испытывая на себе все ее превратности. Находившиеся на территории белорусских губерний архивы перемещались по разным направлениям: местной российской администрацией в порядке эвакуации на восток; французами и их союзниками-поляками – на запад. Одним из немногих, не пострадавших от наполеоновского нашествия архивохранилищ, стал архив управления Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства. Он своевременно был вывезен в Псков и впоследствии благополучно возвратился в Вильно.

Еще 4 июня 1812 г. гродненский гражданский губернатор В.С. Ланской [2, с. 24–27] направил виленскому военному губернатору секретный рапорт о мерах к перевозке архивов присутственных мест. В нем говорилось, что в первую очередь предполагается вывезти архивы, содержавшие сведения о земле. 7 июня виленский военный губернатор направил виленскому гражданскому губернатору секретное предписание о вывозе казенных сумм и архивов в Псков [3, с. 39–42].

13 июня начальник Гродненского гарнизона атаман Платов послал казачьи разъезды по Неману от Гродно до Меречи, и одновременно отправил из Гродно в Псков наряду с военными запасами, казенным имуществом, оружием, амуницией и архивы. Однако из-за быстрого продвижения Наполеона сообщение с Псковом было прервано и обозы с имуществом и архивами пошли через Слоним и Новогрудок на восток. Первый эшелон, в котором находились дела Гродненского губернского правления, были отправлены в Минск, где их через несколько недель захватили французы. Часть архивов, правда, достигла Москвы, где они погибли во время пожара российской столицы. Из Белостокской области имущество и дела были вывезены генерал-майором Иловайским 4-м на 1800 подводках и затем по пути, дабы не попали в руки французов, сожжены между Несвижем и Слуцком по приказу интенданта 2-й армии. Масса дел была брошена разбежавшимися подводчиками в Королевском Мосте Пружанского уезда; некоторые попали в Ломжу, откуда впоследствии часть их возвратилась в Белосток [4, с.1–2]. Значительное количество документов было уничтожено в ходе военных действий: сгорели все древние акты, хранившиеся в Кобринском уездном суде, погиб архив Борисовской духовной управы [5, л. 31].

Еще хуже обстояло дело с архивами восточных белорусских губерний, в значительной своей части остававшихся на местах и подвергшихся разграблению, а зачастую и уничтожению противником.

Мысль о том, что древний Смоленск может быть когда-либо занят войсками Наполеона, не приходила тогда в голову чиновникам местной администрации белорусских губерний. Такой вывод можно сделать, анализируя судьбу архива мстиславских присутственных мест, которые при приближении Наполеона, 26 июня 1812 г. были отосланы в Смоленск как безопасное место. Архив представлял собой 19 тюков и 6 сундуков. Сложенный в нижнем этаже корпуса совестного суда, мстиславский архив погиб вместе с местным судебным архивом. Из собственно смоленских архивов (губернского, городского магистрата и православной консистории) уцелел лишь последний, благодаря историку Смоленска, священнику Н. Мурзакевичу. Архив располагался на Соборной площади и в его здании французы устроили цейхгауз.

9 августа 1812 г. губернский архив был снесен в кучу и зажжен перед окнами наполеоновской квартиры. Телохранители французского императора, польские уланы, по словам историка, генерал-майора А.В. Жиркевича, «бивакуя на Блонье (площади, где находился губернский архив) использовали документы вместо тюфяков, а чертежи и планы – вместо ширм» [6, с. 349]. Как явствует из статьи Жиркевича, смоленские архивы не вывезли вследствие того, что по приказу Барклая де Толли все подводы были мобилизованы на военные нужды: подвоз провианта, вывоз раненых, убитых и пр.

Хранившиеся в архиве г. Климовичи древние документы были эвакуированы в 1812 г. в Чернигов, где и затерялись. Новейшая их часть, начиная с 1784 г., впоследствии была обнаружена в жалком состоянии: дела свалены в сыром деревянном сарае, где уничтожались тлением и грызунами; уцелели лишь книги земского суда [7, с. 68].

Находившиеся в присутственных местах, церквях, монастырях древние документы выбрасывались наполеоновскими солдатами на улицу, сжигались. В Орше, например, в числе «ненужного хлама», выброшенного оккупантами из разграбленных церквей и монастырей, оказалось и Евангелие XIII в. Только по чистой случайности Евангелие, названное по месту его находки Оршанским, уцелело и было затем пожертвовано протоиереем Киево-Софийского собора П.Г. Лебединцевым в церковно-археологический музей при Киевской духовной академии. В настоящее время оно хранится в Центральной научной библиотеке им. В.И. Вернадского НАН Украины.

Значительно пострадал и Несвижский архив кн. Радзивиллов, несмотря на лояльное отношение его владельца к французам. Часть архива была вывезена в Неборово, оставшиеся документы подвергались расхищению и уничтожению. Как выяснил в 1820-е гг. один из членов «ученой дружины» графа Н.П. Румянцева И.Н. Лобойко, «солдаты резали пергаменные документы и подшивали их на подтяжки. Другие документы исторической важности похищены различными лицами. Печати, не только украшенные алмазами, но и медные, какие только были и имели приятную наружность, тогда от документов оторваны» [8, с. 73-74]. В то же время, если верить А.А. Шлюбскому, архив пострадал и от русских войск. Шлюбский, в частности, указывал: «Адміралам Чычагавым разрабаваны палацы Радзівіла ў Несьвіжы за яго прыхільнасьць да Напольёна, тады згінула рэшта бібліятэкі, якая у 1772 годзе [sic! – М. Ш.] была вывезена ў Пецяярбург; загінула таксама і частка цэннага архіву» [9, с. 19]. Заметим, кстати, что утверждение Шлюбского ставит под сомнение современный белорусский исследователь В. Пилипчик [10, с. 72–73].

Однако, нет оснований сомневаться в имевших место фактах вывоза из Несвижского замка в Санкт-Петербург книжно-документально-музейных собраний.

В качестве подтверждения, сошлемся на письмо обер-гофмаршала кн. Трубецкого. Оно послано 4 мая 1893 г., очевидно, в ответ на просьбу председателя Московского археологического общества графини П.С. Уваровой сообщить сведения о вывезенных в 1812 г. из Несвижского замка кн. Радзивиллов драгоценностях, книгах, коллекциях медалей, картин и др. В нем, наряду с сообщением общеизвестных, к тому же основывающихся на слухах, фактов, приводятся и оригинальные, позволяющие, на наш взгляд, идентифицировать вывезенные из Несвижа и пребывавшие в конце XIX в. в Эрмитаже предметы быта, украшения и пр.

«О вывезенных будто бы из Несвижского дворца князей Радзивиллов необычайных богатствах после конфискации в 1812 г. составились целые легенды, – писал обер-гофмаршал. – Вероятно, во время войны многое было разграблено, и мне известно только по слухам, что часть книг... поступила в Публичную библиотеку Академии наук, а медали были отправлены адмиралом Чичаговым... в Харьковский университет. В Эрмитаж действительно передан один ящик разнородных предметов, не очень ценных. По засвидетельствованию академика Куника лучшие вещи, а именно, жемчужные звезды ордена св. Екатерины и митра, усеянная жемчугом, были им помещены в галерею драгоценностей Эрмитажа. Некоторые другие мелкие вещи были позже размещены А.А. Васильчиковым там же, а все, им признанное не заслуживающим внимания, хранится в ящике» [11, л. 14–15]. Далее кн. Трубецкой сообщает, что им лично были пересмотрены эти вещи, среди которых находились браслеты, бусы, запонки, печати, ножи, вилки.

Уничтожению и разграблению подверглись и полоцко-витебские архивы. По распоряжению белорусского временного губернатора витебский гражданский губернатор 6 июня 1812 г. отдал указ, чтобы губернское правление и все губернские и уездные присутственные места приготовили свои архивы для перевозки в Новгород. Часть архивов была направлена в Невель, а оттуда – в Великие Луки. Архив дворянского собрания был перевезен в Лугу. Безусловно, все это не могло не сказаться на их сохранности. Так, при перевозке архива дворянского собрания были утеряны городские и земские книги Витебского воеводства за 1718 г., а также начиная с 1746 по 1771 гг. Оставшаяся часть архива была уничтожена неприятелем.

В рапорте полоцкого поветового судьи, 11 июня 1813 г. направленном в Витебское губернское присутствие, говорилось: «По нашествии неприятеля на город Полоцк прошлого 1812 года в месяце июле дела и архива сего суда тем же неприятелем разбросаны и расстроены, стенное зеркало и красные сукны, столы и стулья истреблены, самое присутствие в казенном доме бывшее, опустошено, и ныне сей суд на присутствие никакого места не имеет, а посему и не может привести в известность и порядок дел и архивы, которые между тем временно в иезуитском монастырском строении сложены находятся...» [12, л. 1].

4 января 1813 г. витебский губернский архивариус Лютовский рапортовал руководству губернского присутствия: «Во время нападений на город Витебск неприятельскими войсками две части архивы, в том числе 1800-го по 1809-й год канцелярии г. гражданского губернатора дела и графские книги 1772 по 1778 год разграблены и растащены... а осталась только в целости губернская архива, состоящая на той стороне реки Двины, с коей только взяты динабургского помещика помещиком Ключковским и французским генералом 12 планов о разграничении смежных границ Витебской губернии, реки Двины и прочие, коим выметку невозможно было сделать: сколько ж именно дел и книг губернского правления и других присутственных мест истреблено, не премину в свое время представить ведомость, о чем губернскому правлению покорнейше доношу» [13, л. 1].

В памяти лепельцев война 1812 года, по словам их земляка, известного архивиста и археографа Д.И.Довгялло, оставила весьма большое впечатление. Окрестности г. Лепеля с 1812 по май 1813 г. представляли грандиозное кладбище. Лепель был занят французскими войсками 3 июля 1812 г.; в городе они оставались до 15 октября. Судя по сохранившимся документам, больше всего от нашествия пострадали архивы, дома, присутственные места и должностные лица [14, с. 38–39]. Подобных фактов было более чем достаточно, что делает объяснимым нахождение в архивах Франции документов белорусского происхождения [15, 16].

Как известно, Наполеон вывозил культурные ценности, включая архивы, не только из России, но и из других стран, им захваченных. Кстати, под этот грабеж подводилась даже теоретическая база: дескать, Франция - самая передовая страна мира, поэтому все выдающиеся культурные ценности должны быть сосредоточены здесь. Что касается архивов, вывезенных Наполеоном в огромном количестве, то он собирался ввести платное пользование ими [17, с. 16].

Вследствие поражения Наполеона его планам не суждено было сбыться, и наступило время «собирать камни». 18 (30) мая 1814 г. и 8(20) ноября 1815 г. Россией, Англией и другими странами были подписаны мирные трактаты. В них содержались юридические нормы, касающиеся реституции захваченных архивных ценностей. Поскольку наполеоновские войны сопровождались созданием вассальных Франции государств, то в трактатах имелись нормы, касающиеся возвращения как захваченных Францией архивов стран и территорий, так и документов, относившихся к управлению созданных Францией стран, которые прекратили свое существование. Согласно этим документам Франция обязана была «возвратить всякие записи и другие документы, кои могли быть захвачены в областях, занятых французскими армиями или правлениями» [18, с. 255]. Она же обязана была вернуть «архивы, карты, планы и всякие документы, принадлежащие уступленным областям или касающихся до их правления» [18, с. 256]. То есть ранее сформулированный принцип происхождения был дополнен территориальным принципом. В свой адрес союзники не записали никаких обязательств по этому вопросу ни в отношении Франции, ни ее колоний, ни других государств.

Война 1812 г. имела самые негативные последствия для документального наследия ВКЛ: кроме уничтожения в ходе военных действий, значительная его часть была вывезена за пределы своего происхождения и не только французами. Укажем хотя бы на случай с могилевским архиепископом Варлаамом (Шишацким), разжалованным и сосланным в одну из российских губерний за приведение населения города 25 июля 1812 г. к присяге Наполеону. Одновременно с высылкой архиепископа его библиотека была передана в Петербургскую духовную академию. Подобный случай не являлся единственным.

1. Лялин, В.А. Виленский центральный архив / В.А. Лялин // Сборник Археологического института. – Кн. 1. – СПб., 1878.
2. Афанасьева, Т.Ю. Гродненские губернаторы (1801–1917 гг.): документально-биографические очерки / Т.Ю. Афанасьева, Р.Ф. Горячева, В.В. Швед. – Гродно: Гродненская типогр., 2007.
3. Виленский временник. – Кн. 5. – Ч. 1. – Вильна, 1912.
4. Орловский, Е.Ф. Гродненская губерния в 1812 году: исторический очерк / Е.Ф. Орловский. – Гродно, 1912.
5. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф.1. – Оп. 28. – Д. 304.
6. Жиркевич, А.В. Смоленские архивы в 1812 году / А.В. Жиркевич // Смоленская старина. – Вып. 1. – Часть 1. – Смоленск, 1909.
7. Записки Северо-Западного отдела импер. Русского географического общества. – Вып. 4. – Вильна, 1914.

8. Козлов, В.П. Колумбы российских древностей / В.П. Козлов. – М., 1981.
9. Шлюбскі, А.А. Матэрыялы да крыўскае гісторыі: доля кнігасховаў і архіваў/ А.А. Шлюбскі // Спадчына. – 1992. – № 4.
10. Пилипчик, В. Поверніть Білорусі награване! / В. Пилипчик // Пам'ятки України. – 1994. – № 1–2.
11. Центральный исторический архив г. Москвы. – Ф. 454 (Московское археологическое общество). – Оп. 2. – Д. 130.
12. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1416. – Оп. 2. – Д. 5073.
13. НИАБ. – Ф. 1416. – Оп. 2. – Д. 5377.
14. Довгялло, Д.И. Лепель, уездный город Витебской губернии: хроника минувшей жизни / Д.И. Довгялло. – Витебск, 1905.
15. Лялькоў, І.С. Рукапісныя крыніцы Нацыянальнай бібліятэкі Францыі па гісторыі зносінаў паміж Францыяй і Вялікім княствам Літоўскім у новы час (XVI–XVIII стагоддзі) / І.С. Лялькоў. – Мн., 1998.
16. Лялькоў, І.С. Беларусіка XVI–XVIII стст. у зборах Дэпартамента манускрыптаў Нацыянальнай бібліятэкі Францыі / І.С. Лялькоў // Вяртанне-6. – Мн., 1999.
17. Лозицкий, В.С. Правові засады міжнароднага співробітництва в галузі реституції архівних фондів і документів: історія, проблеми, перспективи / В.С. Лозицкий // Архіви України. – 1997. – № 1–6.
18. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / под ред. Ф.Ф. Мартенса. – М., 1905. – Т. 14.

Ю.И. Литвиновская **К СИТУАЦИИ В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1812 ГОДУ**

Россия и Франция задолго до 1812 г. начали подготовку к войне. В России она особенно активизировалась с 1810 года. Реорганизовывалась армия, улучшались стратегические дороги, строились новые крепости, развёртывались госпитали, создавались запасы продовольствия. Наиболее интенсивно этот процесс развернулся с весны 1812 г. На берегах Западной Двины, в Дриссе, проводилось масштабное строительство оборонительных рубежей. Только на возведении Дриссенского лагеря ежедневно было занято в качестве землекопов, плотников, пильщиков и т.д. более 2 тысяч крестьян разных поветов Витебской губернии [15, с. 63]. Форсированная подготовка России к войне, всей своей тяжестью легла, прежде всего, на плечи населения западных губерний. Бесконечные требования поставок продовольствия и фуража, ежедневные направления множества крестьян на строительные работы, стали неизбежными спутниками жизни населения Беларуси.

Весьма обременительной для населения была подводная повинность. В январе-июне, например, только через города и поветы Витебской губернии проследовало 60 воинских подразделений – бригад, полков, отдельных батальонов, команд. Каждый полк для своего обслуживания требовал около 100 крестьянских подвод. Требования выдвигались командирами абсолютно произвольно. Некоторые желали получить до 45 подвод на батальон [10, вып. 2, с. 279–280, 286, 289].

С началом войны и отступлением армии военные требования в полной мере распространяются на ряд поветов Витебской губернии, а 21–30 июня (3–12 июля) они были введены уже по всей губернии. Решением военных властей ещё от 10 (22) мая, в восьми городах, расположенных в районе Западной Двины, в том числе Витебске и Орше, началось создание крупных центров продовольствия. В каждом из них должны были быть запасы на 58 476 человек, т.е. на четыре пехотные и две кавалерийские дивизии. Со 2 (14) июля в Витебской губернии начинается спешная заготовка продовольствия и фуража. Каждый повет обязан был поставить 1 624 четверти 3 четверика муки, круп и овса соответственно по 152 и 2 100 четвертей, 21 390 пудов сена, 167 волов, 2 000 вёдер вина, 334 парных повозок и 167 подвод [1, с. 7, 72, 105].* Это бремя было чрезвычайно болезненным для

* 1 фунт = 374,82 г; 1 гарнец = 8 фунтов = 3,28 л = 3 кг; 1 четверть = 64 гарнца = 209,91 л = 192 кг;